

Kirš, Zdeněk

Общественное разделение труда и тенденции его развития

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. G, Řada sociálněvědná. 1967, vol. 16, iss. G11, pp. [57]-78

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/111843>

Access Date: 01. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЗДЕНЕК КИРШ

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА
И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ

Узкая взаимосвязь между всеобщим характером экономической структуры общества и адекватным типом общественного разделения труда в настоящее время глубоко зафиксирована не только в концепциях экономической науки, но и в представлениях социологических, философских, психологических и других теорий. Само разделение труда обычно считается таким процессом, который либо непосредственно, либо опосредствованно детерминирует движение всех сфер общественной жизни, в частности область разных видов трудовой деятельности и рабочих функций человека. Однако собственное содержание категории общественного разделения труда, а также общее ее движение и развитие часто исчезают во множестве передаваемых по традиции или возникающих новых терминов, при помощи которых обозначаются внешние признаки и конкретные модификации разделения труда, напр. изменения структуры профессий и специальностей, изменения структуры социальных ролей и т. п. Может быть, именно поэтому разделение труда в дисциплинах общественных наук связывается прежде всего с выделением отдельных видов производства и с дифференциацией трудовой деятельности, иногда и с социальными и классовыми последствиями. Специфически экономическая сущность общественного разделения труда при этом молчаливо считается чем-то явно доказанным, процессом, который в марксистской теории был уже полностью изучен; однако, именно поэтому вся проблематика порой расплывается лишь в абстрактных представлениях. Такой упрощенный взгляд потом в значительной степени снижает и способность понять качество, смысл и интенсивность остальных экономических процессов и отношений, в связи с которыми разделение труда развивается и вместе определяет характер данной экономической структуры. Другими словами: отношения между людьми, возникающие в процессе общественного производства на основе разделения труда, нельзя отрывать от взаимосвязи с кооперацией и с обменной деятельностью; так же необходимо принимать во внимание непосредственное влияние процессов распределения, касаются ли они распределения средств производства, или распределения предметов потребления.

Изменения в положении человека в общественном производстве могут быть лишь определенным следствием целого комплекса экономических и социальных процессов, что обширно было доказано в частности Отой Шиком в его известной книге Экономика, интересы и политика. Этим, конечно, Шик не отрицает существенного и определяющего влияния, которое само разделение труда действительно оказывает на положение рабочей силы; однако этим он не исключает возможность исследования разделения труда как относительно самостоятельного общественно-экономического процесса. Здесь, собственно говоря, уже указывается, что раз-

деление труда представляет собой весьма сложную категорию, комплексно охватывающую опосредствованные отношения между людьми. Поэтому необходимо более конкретно указать, какими экономическими и техническими процессами вызываются в обществе процессы дифференциации и, с другой стороны, каким специфическим способом люди объединяются в общественном производстве, а главным образом — каковы и в чем заключаются основные тенденции развития общественного разделения труда.

На первый взгляд может показаться, что нет ничего легче, чем изучить в первую очередь генезис строения категории общественного разделения труда у Маркса, чтобы вскрыть закономерности ее развития, и, применив их к современному уровню производительных продуктивных сил, проследить возможные тенденции, опровергающие или подтверждающие известный тезис Маркса об „уничтожении“ разделения труда. Однако впечатление очевидности вводит в заблуждение. Следует отметить, что как раз вопрос „отмены или проведения“ разделения труда, неоднократно подчеркиваемый Марксом в различных ситуациях, в марксистской литературе находит различное, а подчас даже противоположное толкование. Ключ к таким противоречивым высказываниям о перспективах разделения труда, по-видимому, имеется в недостатке единства методологических исходных пунктов, используемых для изучения идейного наследия Маркса, которые потом — неточно абстрагированные — применяются и при оценке современных эмпирических исследований. Поэтому будет целесообразным, сначала дать краткий критический обзор некоторых взглядов на развитие разделения труда, как они у разных авторов противоречиво проявляются именно по вопросам исторических этапов разделения труда и его „окончательной“ перспективной формы.

Какая же получается в общих чертах картина этих исследований в современной литературе? По нашему мнению, взгляды в принципе относятся к двум большим концепциям. Они различаются в основном тем, как они понимают *историческую функцию* разделения труда. Преобладающее большинство авторов¹ лишь в одном открытии категории общественного разделения труда видит какой-то универсальный и вечный ключ исторического развития, открывающий путь к любому историческому этапу экономического положения рабочей силы.² Однако они дальше добавляют, что разделение труда — постоянный и бесконечный процесс; он когда-то начался, но никогда не окончится, будет продолжаться и при коммунизме.³ Таким образом исторический аспект категории разделения труда усматривается лишь в иерархизации отдельных этапов развития или в членении достигнутых качественных ступеней „зрелости“. Рассуждения об исторической обусловленности процесса общественного разделения труда с точки зрения этой концепции вообще считаются вещественно необоснованными и нереальными; они относятся якобы скорее к области какой-то экономической футурологии.

Другая, существенно меньшая группа авторов (назовем из них прежде всего Струмилина, а в ЧССР Рихту), принимает в основном концепцию Маркса и пытается в изменениях профессиональной, функциональной, квалификационной и т. д. структуры рабочей силы проследить тенденции, которые приводят к преодолению разделения труда, или — сказано с Марксом — к его „проведению“. Разделение труда они, конечно, не сводят

к чисто техническому делу, к постоянному выделению новых, высоко-специализированных видов труда и новых отраслей, что находится в непосредственной связи с техническим строением производства, с техническим уровнем производительных продуктивных сил общества. Технические перевороты существовали и в прошлом и они всегда вызывали значительные изменения в общественном разделении труда. Хотя эти конкретные вещественные технические изменения обуславливают разделение труда и производства, они вовсе не представляют собой сущность того, что мы понимаем под специфически экономическим содержанием отношений, в которые вступают люди друг с другом вследствие разделения труда.

Следовательно, согласно этой концепции следует поставить себе такой вопрос: кто и что разделяется в общественном производстве, причем принципиальное значение для получения ответа тут имеют изменения в характере труда и изменения в положении производителя в общественном производстве. Таким образом критерием общих исторических изменений является труд: он или может разделяться между людьми стихийно, или же люди, исключенные из непосредственного процесса производства, разделяют его сами между собой, т. е. по словам Маркса — организуют его. Таким образом человек устранит разделение труда тем, что он преодолет его, не будет стихийно детерминирован им, а сам будет сознательно проводить его и сам разделяемый объект превратится в разделяющий активный субъект.

Резкие различия в логическом строении между обеими концепциями перспективного развития общественного разделения труда в то же время свидетельствуют о различии методологических исходных пунктов и о различных способах толкования Марксовой первоначальной концепции разделения труда. Хотя обе концепции исходят из Маркса, толкование его теоретического подлинника несет сильный отпечаток времени, несмотря на то, что факты, установленные современными исследованиями социальной и экономической структуры общества, являются относительно одинаково доказательными для обеих сторон. Возникает вопрос, как должен быть правильно научно сформулирован вопрос экономической сущности разделения труда, в частности вопрос его „уничтожения“. На наш взгляд пока невозможно дать однозначного ответа, нельзя заключить его в рамки нормативного определения обычной дефиниции.

Проблема перспективного развития общественного разделения труда в современной литературе стала настолько относительной, что его первоначальный смысл, носивший у Маркса характер открытия, утратил свою ясность. Маркс сам своей собственной теории никогда не замыкал; его теория выходит за рамки как неисторической, так и релятивистской точек зрения. Таким образом он дал возможность противоречивых толкований, что, конечно, относится и к общей категории общественного разделения труда. Разумеется, что Маркс эту категорию подробно изучал лишь в пределах экономической структуры капитализма. Другими словами: Маркс произвел критический анализ лишь того уровня и структуры производительных сил, при которых капитализм развился и которые форму капиталистических производственных отношений превращают и во внешнее поощрение развития общественного разделения труда. Общее движение капиталистической экономической структуры Маркс проследил и обобщил

в период такого развития производительных сил, который в настоящее время суммарно означает как промышленный переворот и промышленная цивилизация. Это период больших превращений орудий производства, превращений, связанных с применением фабричной системы крупного производства, которая однако предполагает произведение реального анализа человеческого труда на простые элементы, т. е. дальнейшую дезинтеграцию рабочей силы. Методически сказано: расчленение труда на его простые звенья служит одновременно принципом анализа машинной фабричной системы.

Однако то, что сам Маркс считает с этой точки зрения решающим моментом движения, доказывает известным образом следующая мысль из Капитала: „Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих стоят в полном противоречии с такими ферментами переворота и с их целью — уничтожением старого разделения труда. Однако развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой.“⁴

Ту же мысль аналогично сформулировал и Энгельс: промышленную цивилизацию он понимает как общественное производство, основанное на таком уровне развития производительных сил, который обязательно приводит к товарному производству и к углублению общественного разделения труда. Как раз разделение труда он считает главным и своеобразно измеримым признаком буржуазной цивилизации, который может быть преодолен лишь тем, что будет последовательно проведен. Под цивилизацией он здесь подразумевает не только технический способ производства, но и его общественную сторону, адекватно отвечающую производству. Они образуют неразрывное единство. Если дело касается промышленного общества, ему отвечает его капиталистическая форма.

Однако к современному техническому способу производства относятся уже некоторые существенные качественные изменения в уровне продуктивных сил общества, совокупно означаемые как научно-техническая революция. Речь идет в сущности о начале всеобщего и непрерывного движения всех продуктивных производительных сил общества, или же другими словами: об объединении технологических, сырьевых и энергетических сил, которые резко изменяют положение общественных и человеческих факторов производства. Например, в автоматизированных видах производства можно наблюдать основные черты превращения субъективных и объективных сторон производительных сил, причем преобладающим элементом является постепенное исключение человека из непосредственного процесса производства и включение науки в производство. Однако, идентичны ли эти тенденции с тем нарастанием технических условий общественного производства, которые в их зародышевом состоянии смог проследить уже Маркс, чтобы потом на них основать свою концепцию исчезновения разделения труда?

Этот вариант методологического подхода кажется неблагоприятным уже с первого взгляду, хотя как раз при его помощи некоторые авторы стремятся доказать, что разделение труда (в смысле нарастающей дифференциации трудовой деятельности и трудовых функций) является постоянным про-

цессом.⁵ Этим, конечно, комплекс отношений между людьми на самом деле сводится лишь к вопросу т. наз. технического разделения труда, что с большой убедительностью критически проанализировал Ота Шик.⁶ Притом все это рассуждение основывается на каком-то методологическом анахронизме. Дело в том, что современный прогресс производства исходит из весьма широкой научной и технической базы, вследствие чего лишь с трудом здесь можно без изменений пользоваться методическими принципами Маркса, которые так доказательно объяснили начальный этап движения промышленного общества. Следовало бы сначала доказать, в какой мере было возможным во время Маркса эмпирически постигнуть тенденцию, приводящую к выделению человеческого фактора из общего производственного механизма. Однако в связи с этим возникает дальнейшая общеметодологическая проблема, возможно ли вообще переносить прямо категории прошлого в настоящее время. Сказано более конкретно: остаются ли и при современном капитализме в силе сведения Маркса относительно общественного разделения труда, абстрагированные в период существования классической буржуазной структуры, а также, можно ли на основе концепции Маркса об устранении разделения труда теоретически дорисовывать экономические отношения в условиях социалистической структуры.

Если однако обсуждать проблему интерпретации анализов Маркса прежде всего с точки зрения явных различий между методом исследования и методом толкования (как они проявляются при сравнении обеих указанных концепций), то свою реальную обоснованность утрачивает чисто академический вопрос, является ли разделение труда категорией экономической, социологической, философской и т. д., или какой-то смежной категорией. Маркс сам искал и находил смысл понятийного постижения общественного разделения труда в диалектике его исторического развития. Он стремился его „категориальное“ качество проследить в системе технического способа производства и в характере производственных экономических отношений, а не по клейму принадлежности к какой-нибудь дисциплине общественных наук. Также в разделение труда Маркс видел общество, зафиксированное и оформленное как сложную структуру с разными противоречивыми силами, которые познаваемы (а в современном обществе, в современной экономической науке некоторые из них даже измеримы) и дают людям возможность понять прошлое и предвидеть будущее, конечно, в смысле определенных альтернатив, из которых человек может и должен сделать выбор. Впрочем, эти сведения в литературе принимаются как правило, однако при конкретном использовании их получаются противоречивые результаты. При толковании „экономической стороны“ общественного разделения труда вся сложность внутренне противоречивого отношения иногда под влиянием техникстских редукций сводится только к техническому разделению труда. С другой стороны, некоторые чисто философские толкования ожидаемых изменений в характере труда и в разделение труда не поддаются „порабощению“ эмпирическими фактами технического способа производства и легко потом выдают пропуски за вопрота „свободной игры творческих сил человека“. Однако в таком случае проект является более реальным, чем сама действительность.

Тем не менее обе альтернативы исходят из известного положения Маркса о том, что человек как производитель материальных потребительных цен-

ностей не должен перспективно подчиняться детерминирующей силе общественного разделения труда. Однако нынешний уровень развития научно-технической революции и уровень социалистических экономических отношений эту тенденцию до сих пор особенно ясно не подтверждают. Напротив, отношение объекта и субъекта, т. е. вещественных и человеческих факторов, в общественном производстве до сих пор не „перевернулось“. По словам Маркса: активная самостоятельность рабочей силы все еще отделена от собственного производства материальных потребительных ценностей, так что „производство этой материальной жизни — труд (который представляет собой теперь единственно возможную, но, как мы видим, отрицательную форму самостоятельности), выступает как средство.“⁷ Хотя теперешний высокий уровень рационализации производства и существенно повышенная сила продуктивного общественного труда содействуют росту фонда свободного времени и его массовому потреблению, тем не менее не образуется простор для продуктивного, плодотворного использования свободного времени, в частности на пользу созидательной энергии человека. Сохраняются тенденции, заставляющие человека использовать свободное время для пассивного воспроизводства, лишь в порядке чистого потребления. Для активной самостоятельности людей и человеческого труда вообще (если абстрагироваться от внешнего поощрения остальных экономических отношений) не существует до сих пор общеприятных условий и при социализме.

Таким образом возникает обоснованное подозрение, что оживление в настоящее время формулировки Маркса об устранении разделения труда на самом деле значит стремление привести в современный марксизм некоторые элементы социального утопизма, если, конечно, не принять другой вариант толкования, а именно, что Маркс, говоря об „уничтожении“, имел в виду только классовое и эксплуататорское разделение труда, которое обязательно сопровождает всю эру капиталистической формации и вместе с ней исчезает.

Во всяком случае в нашей современной литературе преобладают мнения, считающиеся просто с вечным существованием разделения труда. Проблема уничтожения разделения труда не поддается логическим рассуждениям и практическому опыту. Можно ли указанные взгляды считать лишь известным теоретическим выражением всеоблающей абсорбционной силы современного типа общественного разделения труда, или имеют ли они свое происхождение также в неадекватных толкованиях Марксовой концепции экономической сущности разделения труда? По нашему мнению некоторое воздействие тут оказывают оба момента, но каждый на другом методологическом уровне. Было бы, конечно, наивным за расхождениями в мнениях о развитии общественного разделения труда искать непосредственное влияние деформаций, которые в прошлом бесспорно затормозили рост экономической теории в целом. Тем не менее учение об экономическом значении и общественной функции разделения труда в известной степени отталкивалось на задний план, что, впрочем, относится к исследованию динамичности экономических отношений вообще. Критерии прогресса, механически выведенные из якобы абсолютных противоречий между экономическими структурами капитализма и социализма, искались в качественных различиях категории собственности и в процессах распределе-

ния, т. е. в движении и присваивании результатов материального общественного производства, а не в экономических процессах самой материальной деятельности. Напр. советский экономист Я. А. Кронрод по сегодняшний день остается связанным своим в основном детерминистически понимаемым критерием отношений собственности, который он возвел в исходную модель и принцип почти всего движения социалистической экономики. В „зеркале“ отношений собственности он без затруднений находит почти готовые ответы на самые сложные общие экономические отношения. По мнению Кронрода ясно, что общественное разделение труда, что касается его сущности, формы и процессов развития, обусловлено отношениями собственности на средства производства.⁸ Одновременно Кронрод подает также пример своеобразности своей интерпретации, утверждая, что эту прямую зависимость и обусловленность общественного разделения труда как формы производственных отношений (следует понимать зависимость от отношений собственности) Маркс прямо и категорически подчеркивает.⁹

Постулируемые авторитативные определения, а часто и теоретические деформации, фиксируемые с течением времени в повседневном сознании и в научном мире, обладают, следовательно, большой живучестью. Существует даже известная иерархизация в степенях псевдожизнеспособности и сопротивления, с помощью которых эти деформации „защищаются“ от устранения из научного мышления. Однако, чем ближе мы подходим к живой ткани народнохозяйственного организма, к его повседневным, практически проблемам строительства и управления, тем относительно легче, а именно эмпирически, мы постигаем противоречивые стороны экономических отношений. Однако эмпирия сама по себе является в лучшем случае источником частичных знаний и частных фактов. Хотя каждый факт отражает онтологическую сущность всего комплекса экономических отношений, его более глубокий смысл в новых условиях должен быть еще вскрыт, объяснен и обоснован наукой. Факт является шифром действительности, как метко написал Карел Косик.¹⁰ Итак, мы находимся, собственно говоря, вновь в самом начале научного анализа причин противоречивых явлений и деформаций (область теории), между тем как механизм народнохозяйственного организма опять и опять это противоречие воспроизводит, хоть и на более высоком уровне (область практики). Впрочем, это общее сведение так же старо, как оно элементарно; и в этом своем абстрактном виде оно может содействовать разъяснению различных точек зрения при обсуждении категории общественного разделения труда.

*

Нами уже упоминалось, что не всякая попытка аутентически интерпретировать Марксово понимание категории общественного разделения труда венчается успехом; не всегда постигается первоначальный методологический принцип Маркса, от чего страдает и вещественная сторона категории, в частности ее познавательное значение. Эти недостатки резко проявляются особенно при сильно отличающемся понимании исторической специфичности экономического содержания разделения труда, в том, как при отдельных общественно-экономических формациях разделение труда качественно изменяется, а также в том, какие общие отношения и черты могут остаться

неизменяемыми на протяжении долгого времени или даже постоянными. Потом, конечно, возникает вопрос, обосновано ли научно выведение качественной определенности общественного разделения труда в первую очередь или даже исключительно лишь из данного типа производственных экономических отношений или определяется ли характер (качество — по Шиху) этапов развития разделения труда техническим способом производства, напр. ремеслом, мануфактурой, фабричной системой, машинами механизированной линии и, наконец, автоматизацией производства. Кажется, что как раз в непонимании определяющего, существенного отношения между характером разделения труда и технической основой производства заключена и суть спорной проблемы, которую Маркс „завещал“ в виде формулировки об отмене разделения труда. Об эту проблему разбиваются в частности те интерпретации, которые понимают цитаты из трудов Маркса лишь как призыв к поискам адекватного ответа в теоретически идеальных условиях социалистической экономики. Высказывание Маркса потом, конечно, неудовлетворительно, устранение разделения труда не только противоречит повседневному опыту, но и долгосрочные тенденции изменений характера труда и профессиональной структуры якобы не подтверждают уничтожения разделения труда. Поэтому в марксистской литературе преобладают мнения, предполагающие вечное существование разделения труда. Разделение труда проявляется как очевидная база общественной жизни и как методологическая основа, что представляет собой исходный критерий, не вполне органически привносимый в тексты Маркса. Противоположные взгляды, напр. Струмилина, можно скорее считать исключением, не подтверждающим правила.

В пользу увековечения разделения труда говорит несколько очевидных фактов:¹¹

1. Почти немислимо исследование истории по настоящее время, не учитывая поощрительную функцию разделения труда. Принципиальных изменений в этом отношении не следует ожидать и в будущем. Для этого отсутствует эмпирическая база, как и для ожидания общества без денег и без товаров. Следовательно, общество, лишенное разделения труда, находится вне рамок реальных представлений.

2. Современный тип технического способа производства не свидетельствует о тенденциях к исчезновению разделения труда, а приводит лишь к резким изменениям профессиональной и социальной структуры. В этом отношении все соображения ограничены относительной замкнутостью реальной сферы научно-технической революции.

3. Общественное разделение труда проявляется как неприкосновенный принцип; его исторически сохранившиеся способ и тип представляют собой постоянный и весьма эффективный источник продуктивной силы общественного труда. Поэтому вполне понятно, что производство, наука и деятельность человека вообще на протяжении нескольких веков направлены на специализацию и получение относительной самостоятельности. Тенденции интеграции с этой точки зрения являются вторичными, затрагивая прежде всего область обмена деятельности.

По Рихте суть разделения труда не заключается в разделении деятельности внутри заводов, а в разделении труда внутри общества, т. е. в области отношений между людьми.¹² В этом смысле разделение труда получает

всеобщую и овеществленную форму лишь с возникновением частной собственности, с возникновением товарного производства и рынка. Этим Рихта последовательно продолжает первоначальную концепцию Маркса, искусно применяет ее для исследования воздействий разделения труда в истории на положение человека в общественном производстве и в обществе, и с ее помощью также намечает судьбы разделения труда в цехе. Однако его дальнейшие выводы, касающиеся процесса преодоления разделения труда как стихийного производственного организма (его место должно быть занято организацией труда), вызывают внимание скорее как интересный вариант теорий о будущем разделения труда. К сожалению, доказательства, с помощью которых Рихта стремится поддержать тенденции против дезинтеграции рабочей силы и против ее дальнейшей специализации (хоть они и выводятся из реального движения научно-технической революции), не являются достаточно убедительными.

Этим, конечно, не снижается ценность попытки Рихты составить генетическую реконструкцию представлений классиков марксизма о развитии разделения труда. Рихта невольно также указал, что и „возвращение“ к первоначальному пониманию специфической сущности разделения труда в классических произведениях может привести к различным противоречивым результатам. Необходимо всегда учитывать общий принцип, что корректуры какой-либо новой концепции, проводимые при помощи другой теории, хотя бы дедуцированной из классиков, но не опирающейся прочно на реальность точно познанных экономических отношений и технического способа производства, могут остаться только на поверхности и станут лишь незначительной корректурой одного взгляда другим взглядом. Таким образом дедуцированная картина изменений общественного разделения труда не должна потом иметь никакого конкретного коррелята. Итак, и исправленные понятия, и более глубоке познание категории общественного разделения труда не всегда должны привести к постижению его экономической сущности.

Кажется, что смущение по поводу положения Маркса об уничтожении разделения труда в области теоретических исследований пока растет. Однако в общем обозрении разнородных видов интерпретации все-таки на передний план выступает несколько методологически родственных мнений, но мнимая точность логического строения носит тут очевидные признаки априорных схем. Мы подчеркиваем прежде всего различные методологические исходные пункты, в частности методы изложения, а не методы исследования; о них мы вкратце упомянем дальше.

1. Маркс посвятил весь труд своей жизни критическому анализу капиталистического общественно-экономического строя. Поэтому и категория общественного разделения труда в его трактовке может быть научно специфицирована и исторически доведена только до пределов капиталистической формации. Маркс обобщил экономические и общественные предпосылки исчезновения этой формации. Следовательно, если он говорит об исчезновении разделения труда, он имеет в виду в первую очередь ее адекватный, капиталистический эксплуататорский тип.

2. Однако Маркс не мог наблюдать конкретное развитие категории общественного разделения труда до его „проведения“. Где он, однако, ясно говорит об уничтожении разделения труда, его слова следует понимать

в смысле диалектической антитезы: стихийный производственный организм, фиксирующий социальную и трудовую деятельность производителей, будет уничтожен сознательной организацией труда и свободной созидательной деятельностью всех людей. „Наместо разделения труда, которое обязательно возникает при движении сменных ценностей, существовала бы здесь организация труда, выражающая долю индивида в коллективном потреблении“, — пишет, например, Маркс в *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie*.¹³

Некоторые концепции исходят из недоказанной предпосылки, что в высказываниях Маркса об уничтожении разделения труда вообще не достает более глубокой аргументации. Можно предполагать, что основная мысль была только намечена, но не была досказана и разведена. Следовательно, речь идет лишь о несущественном грехе революционной молодости Маркса.

Другие мнения, наоборот, принимают Марксово видение разделения труда почти безоговорочно, протягивая более или менее прямолинейно его представления в будущее. Тут, конечно, очевидно, что пределы современного разделения труда не были и еще долго не будут перешагнуты. Картина современного разделения труда, как она создается в научных представлениях, не интегрирована и разбивается о препятствия частичных научных специализаций. Пока экономическая наука исходит из этих релятивизированных предпосылок, она этим в сущности абсолютизирует современные, внутренние дифференцированные формы жизни, обусловленные и опосредствованные именно разделением труда. В марксистскую науку таким образом привносятся анахронические критерии наблюдений.

Приблизительно таким образом было бы возможно схематически резюмировать значительное количество различно оформившихся мнений, в которые входит не только подход к вопросу уничтожения разделения труда, но в определенной степени и основное понимание исторического места и роли общественного разделения труда в производстве вообще. Из обзора видно, что так не могут быть постигнуты существенные определения, которые выражали бы экономическую специфичность разделения труда и его историческое развитие в структуре общего движения общества. Другими словами: в случае, если сам методический подход делает невозможным или хотя затруднительным наблюдение над общей динамикой категории общественного разделения труда, то и ее отдельные исторические этапы могут показаться лишь звеньями бесконечной цепи. Общий теоретический смысл этих этапов поэтому получает разное выражение по аспектам специальных дисциплин общественных наук.

Экономист будет применять критерий экономической структуры; его интересуют экономические отношения между людьми, обуславливаемые разделением труда в области производства, распределения, обращения и потребления, а с другой стороны — основные экономические взаимосвязи, детерминирующие воспроизведение данного типа общественного разделения труда. Социолог изучает разделение труда с точки зрения общественной структуры; он спрашивает, какие отношения возникают при воздействии разделения труда между отдельными лицами, между социальными группировками и в обществе в целом. Для социолога собственным объектом интереса является все общество в целом; тип и характер разделения труда он дедуцирует из опосредствованного влияния, как оно получает

выражение в кривой развития социальных отношений и социальных ролей. А интерес философа направлен на цельность мира и на функцию, выполняемую в нем человеком. С этой точки зрения разделение труда является фактором, оказывающим влияние на свободу действия, фактором угнетающим, деформирующим и отчуждающим; философ поэтому стремится к его уничтожению. Между прочим, иногда и таким наивным образом у Маркса ищут мотивацию для проявления идеи уничтожения разделения труда. В этом, дескать, у молодого Маркса отражаются зависимости от гуманизирующих и антропологизирующих тенденций (сравни Экономико-философские рукописи), тогда как Маркс-зрелый экономист и революционер якобы от этих тенденций избавился (в Капитале).

Тем не менее в этой формулировке исследуемый вопрос выступает из относительно замкнутой сферы одной категории и соскальзывает в область стерильных споров о динамичности научного и интеллектуального развития Маркса вообще. Хоть и приходится абстрагироваться от этой проблемы, ее более широкая связь с интерпретациями категории общественного разделения труда очевидна. Можно было бы сказать упрощенно: Философ и социолог Маркс отделяется от экономиста Маркса, философия и социология как будто бы мешают друг другу. Также категорию общественного разделения труда можно метафизически „заключить“ в сферу наблюдений дисциплин общественных наук, что приводит к тому, что собственные исследования проводятся с некритической уверенностью в весьма проблематической обстановке. Выводы не могут быть практически полезными, так как они противоречивы, нуждаясь „в доказательстве, что логические и методологические категории, которыми ученый пользовался для анализа специфической действительности — экономической или исторической, общедействительны и применимы также вне рамок исследуемой реальности. Логизирующие и методологизирующие интерпретации не ставят себе задачей критически рассмотреть экономическое содержание Капитала и не пытаются развешивать или углублять экономическую проблематику. Готовые результаты экономических анализов считаются правильными без какого-либо исследования, а интерпретация показывает, каким логическим или методологическим путем были получены результаты, правдивость которых из принципа не проверяется.“¹⁴ Впрочем в этом духе написаны некоторые работы, происходящие в большинстве случаев из пера философов.¹⁵

Чтобы однако не утопить проблему интерпретации категории общественного разделения труда лишь в абстрактных методологических анализах и в поверхностных комментариях, мы покажем конкретнее, в чем именно и с какой ясностью различные взгляды находят свое выражение в современной литературе. Если мы хотим понять экономическую функцию и историческое место разделения труда в обществе в их первоначальном, неискаженном виде, то следовало бы — по нашему мнению — исходным пунктом считать следующие слова Маркса из Немецкой идеологии: „Только современные пролетарии, совершенно оторванные от самодеятельности, в состоянии добиться своей полной, уже не ограниченной самодеятельности, которая заключается в присвоении совокупности производительных сил и в вытекающем отсюда развитии совокупности способностей. Все прежние революционные присвоения были ограниченными; индивиды, самодеятель-

ность которых была скована ограниченным орудием производства и ограниченным общением, присваивали себе это ограниченное орудие производства и приходили в силу этого только к новой ограниченности. Их орудие производства становилось их собственностью, но сами они оставались подчиненными разделению труда и своему собственному орудию производства. Современное универсальное общение не может быть подчинено индивиду никаким иным путем, как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе.“ (У Маркса не подчеркнуто.) Дальше и в более общей версии: „Превращение личных сил (отношений), благодаря разделению труда, в силы вещественные не может быть уничтожено тем, что индивиды выкинут из головы общее представление о нем, а только тем, что они снова подчинят себе эти вещественные силы и уничтожат деление труда.“¹⁷

Требование уничтожения деления труда здесь сформулировано ясно и мотивируется однозначно; оно заключается в освоении общественных производительных сил и в развитии активной самостоятельности людей, в максимальной многосторонности творческих способностей производителей, что сливается в известный всеобщий закон общественного производства Маркса.¹⁸ Однако оставим пока в стороне более глубокий анализ вещественной аргументации Маркса, с которой он дошел до упомянутой абстракции всеобщего закона общественного производства, и рассмотрим определение совершенно противоположное.

Йозеф Райзер, который занимался разделением труда монографически в своей диссертации, пишет: „Характером общественного деления труда вообще обусловлено, что люди вынуждены действовать совместно, — а лишь так они образуют общество, — следовательно, что они должны работать друг на друга и так каждый раз известным образом обмениваться своей деятельностью. Только как такие, друг от друга зависящие, общественно действующие индивиды они могут непрерывно разворачивать свое общественное производство и остальные стороны своей общественной жизни. Поэтому в этом смысле можно говорить об общественном делении труда как об общей закономерности, имеющей силу для всех общественно-экономических формаций, в том числе обоих этапов коммунизма.“¹⁹

Бытие реального исторического человека и вообще существование общества таким образом каузально обусловлены и навсегда заключены в экономических пределах деления труда; этим сказано все, вероятно и в том случае, если абстракцию всеобщего закона деления труда дедуцировать лишь из рабочего и функционального сосуществования производителей, т. е. из кооперации, которая, хоть и неразлучно сопровождает деление труда, все-таки экономически представляет собой другое отношение. Однако, на наш взгляд, Райзер деление труда как вечную категорию лишь постулирует и, кроме того, приносит доказательство релятивизации терминологии общественных наук.

Однако однозначно по тому же поводу высказывается Ота Шик: „*Разделение труда есть постоянный и бесконечный процесс*, непрерывно возникающие не только новых, высокоспециализированных видов труда, но в то же время и новых отраслей (...) а наконец — хоть и на протяжении гораздо более продолжительного периода — и новых широких секторов производства“²⁰ (у Шика не подчеркнуто). Следовательно, процесс деления труда выходит за пределы экономических структур и можно

ожидать, что человек в будущем не лишится своей специализации, не избавится от пут своей частичной рабочей функции, частичной отрасли и сектора. Примерно таким образом мы могли бы при помощи механизма дедуктивных суждений раскрывать последствия „бесконечного“ разделения труда, если бы Шик на другом месте не подчеркнул, что человек будущих веков будет освобожден тем, что деструктивное влияние старого разделения труда он превратит в орудие своей активной самостоятельности.

Однако, в связи с этим на передний план выступает кардинальная проблема качественной определенности общественного разделения труда или проблема постепенных качественных изменений, которые в известный исторический момент превращаются в новый тип социалистического разделения труда. Ота Шик эту свою концепцию решает хотя на уровне общетеоретических формулировок; он не производит анализа и не приносит доказательства о социалистическом качестве разделения труда. Он пытается только определить характер и функцию разделения труда как существенного экономического отношения, которое вместе с кооперацией, обменом деятельности, распределением средств производства и предметов потребления образует элементарный комплекс социалистической экономической структуры. Как пишет Ота Шик, разделение труда не является лишь простым исполнением специфических видов труда, но представляет собою всегда общественный процесс, который сам по себе уже означает возникновение определенных экономических отношений. В дальнейшем он цитирует известную Марксову критику упрощенного понимания разделения труда Прудоном, чтобы так подкрепить свое представление о развитии качественных изменений разделения труда. С точки зрения долгосрочной тенденции различные виды разделения труда потом более или менее совпадают с этапами чередования общественно-экономических формаций.²¹

В связи с этим мы невольно подходим к другой стороне решаемой проблемы, а именно к необходимости объяснить первичное и определяющее условие существования общественного разделения труда, определить отношение между обуславливающим и обусловленным. Конкретно говоря, необходимо определить удельный вес технической основы производства и труда, которая вызывает разделение труда и на известном уровне его всегда воспроизводит (выделение производителей и производства, специализация и т. д.) и удельный вес отношений, в которые люди входят друг с другом вследствие разделения труда. Можно, конечно, возразить, что мы так по способу механического детерминизма разрываем и обособляем взаимную обусловленность производительных сил и экономического базиса, что мы не видим оба составных элемента в их диалектическом единстве. Однако без этого „рабочего разделения“ мы все время будем двигаться лишь в заколдованном круге академических споров, куда в сущности относится разделение труда: к производственным отношениям или к производительным силам, или куда больше и куда меньше. Между прочим, литература по этому вопросу имеется довольно богатая и, к сожалению, довольно бесплодная.²²

По нашему мнению, в условиях социализма достоверно не были до сих пор объяснены ни техническая сторона разделения труда, ни общественная и экономическая стороны. Может быть, поэтому происходит абсолютизация, „окоченелость“ обоих диалектических полюсов, вследствие чего и интер-

претации Марксовой концепции разделения труда разбиваются о непоследовательность собственной методологии.²³

„Как будто бы экономические отношения не существовали до возникновения частной собственности и как будто бы они не должны были существовать и в коммунистическом обществе. Конечно, это будет совершенно другое разделение труда, чем мы знаем до сих пор; и по сравнению с социалистическим разделением труда оно будет подвержено известным качественным изменениям (в частности вследствие преодоления пожизненной прикованности людей к одной профессии)...“²⁴ Нет возражений против того, что экономические отношения будут существовать и при коммунизме, что они будут качественно изменяться. Но где искать доказательства для высказывания, что и разделение труда будет существовать и впредь? Мы должны здесь, очевидно, предполагать, что технический способ производства будет развиваться только количественно, что полная автоматизация производства не вызовет таких изменений в устройстве труда, чтобы было можно разделение труда „провести“ без исключений и чтобы человек мог — по словам Маркса — выступить из непосредственного производства.

Кажется, что и Ота Шик своей точкой зрения и своей концепцией категории разделения труда закрыл себе путь к подробному пониманию диалектики изменений его развития. Ведь если дедуцировать характер перспективной линии развития разделения труда в первую очередь из препарированных абстракций экономических отношений, то в комплексе общественного разделения труда остаются для объяснения в сущности только его „формы существования“. Собственный принцип расширения разделения труда может быть вовсе неспецифичным.

Некоторые варианты интерпретации упрощают также сущность основного противоречия, которое при нынешнем уровне разделения труда возрастает и ежедневно обновляется, а именно противоречия между растущей цивилизационной техникой (основанной на преобладающем типе механических машин) и угрозой дезинтеграции производителей. Это противоречие имеет глубокие исторические корни. В своем элементарном виде оно возникло уже в то время, когда разделение труда начало применяться как природный производственный организм, волокна которого были спряжены и продолжают пряться за спиной производителей.²⁵ Однако развитие производительных сил привело в движение процесс эманципации человеческого индивида; люди стали постепенно освобождаться от уз патриархальной и феодальной коллективности и кооперации. Открылся путь для глубокой дифференциации человеческой личности, которая в капиталистическом обществе достигает угрожающей степени, в частности под влиянием современной технической базы производства и, следовательно, под влиянием современного способа разделения труда. Также социализм обязательно связан с наивысшим возможным уровнем науки и техники, но существенно отличается от капитализма системой производственных экономических отношений. Как он отличается и в чем заключаются новые экономические отношения социалистического разделения труда, если не довольствоваться лишь положениями о „новых формах существования“, вдобавок дедуцированными упрощенно лишь из социалистического типа отношений собственности? Можно ли изменить характер общего процесса разложения производства и рабочих функций в условиях социализма

только путем подбора новой терминологии для сходного по типу процесса дифференциации людей?

Мы полагаем, что так в действительности обходится вопрос реальной сравнимости капиталистической и социалистической экономических структур. Если дедуцировать существование товарного характера социалистического хозяйства из достигнутого уровня продуктивных производительных сил и из всей совокупности производственных отношений, этим довольно принципиально изменится и общей взгляд на социалистическую систему производственных отношений. Социализм не следует понимать как абсолютную противоположность современного капитализма, а как противоположность диалектическую. А диалектическая противоположность между обеими системами не исключает возможности решения ряда анлогичных экономических процессов в рамках нескольких вариантов; конечно, их социальные последствия существенно отличаются. Некоторые общие экономические процессы и тенденции можно на данном этапе развития считать даже идентичными. К ним относятся изменения отраслевой структуры, тенденции, приводящие к интенсивному международному разделению труда, и процессы интеграции вообще, дальше сокращение рабочего времени и повышение фонда свободного времени и, наконец, изменения в соотношении между потреблением изделий и потреблением услуг. В общем итоге: приблизительно сходный по типу уровень продуктивных сил общественного производства обязательно должен опираться также на относительно сходный способ разделения труда. *Как изделие, так и его производитель совершенствуются разделением труда* (количество меновых ценностей, специализация), однако до сих пор не исчезла стихийность этого процесса и его отрицательные продукты.²⁶ Пожизненная прикованность к одной профессии является обычным явлением, так что в основном нет разницы между специализацией производства и специализацией производителей. Более существенные изменения происходят лишь в способе комбинации общественного совокупного рабочего, в способе экономического и административного принуждения, при помощи которых эта комбинация осуществляется. Новое, социалистическое разделение труда не конституировалось, отсутствует качественно новая техническая основа производства, а также степень „зрелости“ целого комплекса пока сравнительно низка.

С точки зрения исполнительного этапа процесса производства и с точки зрения некоторых функций управления (обеспечение необходимой последовательности рабочих операций) человек поэтому все время остается главным фактором процесса производства. По словам Маркса: Труд человека все время остается заключенным в процессе производства.²⁷ Труд представляет собой единственный источник меновых ценностей, поэтому и пределы современного разделения труда до сих пор не могли быть перешагнуты. Это объективное экономическое препятствие фиксируется так глубоко в области повседневного сознания, что оно затрудняет и способность научно постичь разделение труда как исторический эволюционный процесс, который имеет свое начало и должен был бы иметь также свой „конец“. Однако в таком диалектическом охвате проблема разделения труда решалась до сих пор лишь немногочисленными авторами, представляющими собою скорее исключение.²⁸

Разделение труда, т. е. сосуществующий и одновременный труд в разных

видах материального производства, обычно отождествляется только с выделением рабочих функций, производственных отраслей и т. д. Бесспорно, конечно, как подчеркивает Ота Шик, „что содержанием разделения труда является труд, определенная затрата конкретной рабочей силы, чтобы с помощью определенных конкретных средств производства возникли определенные конкретные потребительные стоимости (...) Только там можно говорить о разделении труда, где с одной стороны речь идет о действительном разделении, т. е. где в то же время возникают известная взаимозависимость и воздействие между людьми, где однако тем самым одновременно возникает известное положение человека в общественном производстве и общество оказывает существенное влияние на жизнь и на развитие индивида.“²⁹ Таким образом разделение труда прочно детерминирует определенное положение производителя в общественном производстве: так дело в сущности обстояло уже во время возникновения первоначального и самопроизвольного разделения труда, так оно будет обстоять и при коммунизме, с тем, конечно, различием, что умственная и физическая деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление не будут выпадать на долю разных людей.³⁰

Разделение сохраняется, противоречия уничтожаются. Но мы спрашиваем в согласии с Марксом: кто и что, собственно говоря, делится? Содержанием разделения труда является труд, отвечает Шик. В таком случае труд является вечной категорией и вечно должен быть и разделяем.

Этим мы различия в интерпретациях разделения труда довели до одного из основных вопросов марксизма вообще и до узлового вопроса „уничтожения разделения труда“ в частности. Проблема осложняется и получает свое выражение в неспецифицированном и релятивизированном понимании содержания категории труда. Поэтому мы вынуждены заниматься этим вопросом несколько шире. Разумеется, что тут будет недостаточно лишь самого общего, суммарного определения видов трудовой деятельности, что иногда означает понятие содержание труда и приводит так к смешиванию с вещественным содержанием труда. Исследования, по нашему мнению, должны исходить из определения понятия *характер труда*, вытекающего из суммы конкретно исторических стимулов всех тех видов деятельности, которые на отдельных этапах развития производительных сил становятся трудовой деятельностью в экономическом и социологическом смысле. Решающее значение имеет всегда отношение этих видов деятельности к общей экономической структуре общества, а также функции, которые трудовая деятельность приобретает в совокупности всех жизненных процессов индивида. Без такого различия трудно сказать, почему данная конкретная деятельность (напр. художественная деятельность, спорт и т. д.) в определенных условиях становится трудом, а в других условиях характер труда утрачивает. Характер труда мы поэтому выводим из единства материальных и общественно экономических условий процесса труда, из единства общественных производительных сил.

В понятие труд входят — по отношению объема — отдельные конкретные процессы труда, действия и конкретные виды труда. Однако, говоря в духе концепции Косика, труд в своей сущности и общности не является трудовой деятельностью и занятием, которое человек исполняет и которое обратно влияют на его мышление. Труд — это деятельность, которая прони-

кает все бытие человека и конституирует его специфику. Деятельность человека поэтому можно разделить во две области. В одной человек действует под давлением необходимости (труда), во второй его деятельность реализуется как свободное творчество. Ко второй области по нынешнему опыту, как правило, относится только искусство. Экономический аспект деятельности человека, разделенной таким образом, относится лишь к первой области, т. е. к предметной деятельности человека, вызванной внешней целью (природная, экономическая, жизненная необходимость, социальная обязанность и т. д.). Следовательно, человек трудится только в том смысле, поскольку его деятельность определяется внешней необходимостью и потребностями. Тем не менее одна и та же деятельность может быть трудом и нетрудом в зависимости от того, осуществляется ли она человеком как экономическая необходимость, напр. в форме профессии, т. е. исторически обусловленной необходимостью создавать материальные условия жизни. Однако разделение деятельности человека на труд (сфера необходимости) и искусство (сфера свободы и активной самостоятельности) отражает проблему труда и нетруда лишь в весьма грубых чертах. „Это различие исходит из определенной исторической формы труда как из неисследованной, а поэтому некритически принимаемой предпосылки, на основе которой зафиксировано исторически возникшее разделение труда на труд материально-физический и умственный. В этом различии заключена дальнейшая существенная черта специфики труда как такой деятельности человека, которая не покидает сферу необходимости, но в то же время выходит за ее пределы и образует в ней реальные предпосылки свободы человека.“³¹

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что различие и, следовательно, разделение труда и активной самостоятельности во две относительно самостоятельные сферы имеют отрицательное влияние в области теоретического понимания уничтожения разделения труда. Ангиномическое отношение между трудом и свободой представляет один исходный пункт нереальных соображений, которому противопоставляется отождествление обеих сфер как идеальный симбиоз коммунистической формации. Однако „свобода не раскрывается перед человеком за пределами необходимости как автономная, не зависящая от труда область, а вырастает из труда как из необходимой предпосылки“, — подчеркивает Косик.³²

Историческая обусловленность труда и свободного творчества (процесса, который нельзя разделить), очевидно, часто ускользает от внимания при толковании Марксова уничтожения разделения труда. Маркс обдумывает лишь разделение труда, а не „разделение“ активной самостоятельности, так как царство свободы начинается в действительности лишь там, где не работают под давлением нужды и внешней целесообразности; оно по сути дела лежит вне сферы собственно материального производства.³³

Поэтому с точки зрения марксизма является логически последовательным, что намечается непосредственная взаимосвязь между свободой (трудо-вой самостоятельностью) и образованием свободного времени, т. е. между рабочим временем и досугом. Свободное время однако нельзя „видоизменить“ по масштабам сегодняшних продуктивных производительных сил, понимать его, может быть, в смысле организованного досуга, что само по себе может быть даже только частью исторического отчуждения. Методологическая непоследовательность и упрощения этого вида не приносят

пользы особенно тогда, если нынешняя структура внеуродового времени неисторически переносится на т. наз. коммунистический этап разделения труда. При таких рассуждениях очень легко сойти с почвы точно познанных анализов и открыть дорогу фантазиям. И. С. Судеревский, например, полагает, что „дальнейшее сокращение рабочего дня в материальном производстве позволит людям развивать свои способности, дарования и таланты в области производства, техники, литературы и искусства. Свободное время будет посвящаться умственному и физическому развитию, художественному творчеству и спорту. (...) Коммунистическое воспитание и всестороннее развитие личности человека не только не отрицает, а, наоборот, исходит из нового разделения труда; каждый человек в совершенстве знает свое дело и сочетает его с другими занятиями в свободное время. (...) Как существенная часть производственных отношений социалистическое разделение труда есть форма товарищеского сотрудничества и братской взаимопомощи свободных от эксплуатации людей.“³⁴ Таким образом — по представлениям Судеревского — будет наблюдаться постоянная гипертрофия свободного времени и человек все минуты этого свободного времени заполнит художественными интересами, спортом и т. д., между тем как значение собственной области материального производства, т. е. области труда, станет второстепенным моментом необходимой экономической деятельности людей. Разумеется, что эти мысленные дедукции не имеют ничего общего с анализом исторической обусловленности труда и нетруда, который был произведен Марксом.

Еще дальше в этом духе идут мнения неизвестного автора статьи об общественном разделении труда в Большой советской энциклопедии, который без колебаний утверждает, что „в Советском Союзе на базе господства общественной собственности на средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком ликвидированы эксплуататорские основы разделения труда, противоположность между умственным и физическим трудом, между городом и деревней.“³⁵

Не имеет смысла связывать здесь академические споры со взглядами, которые звучат скорей как мифические программные передачи, как желания и представления, исходная экономическая мотивировка которых значительно неясна. Разделение труда не является и не может являться самоцелью, поэтому его не следует связывать с каким-то автоматизированным стремлением к индивидуальной или даже общественной самореализации. Мы, впрочем, привели эти мнения непосредственно в тексте именно для того, чтобы показать, куда могут дойти размышления о разделении труда.

Если экономия представляет собой „сферу необходимости“, т. е. предметной трудовой деятельности, при которой постепенно создаются исторические предпосылки свободы человека, то аналогично разделение труда в жизни общества можно считать необходимой исторической эрой, которая кульминирует его проведением, иначе говоря, его „уничтожением“. Разделение труда дезинтегрирует человека-производителя и в то же время все более сложным способом связывает его с остальными частичными производителями через посредство отношений обмена и товарно-денежных отношений. Такое разделение труда невозможно освободить от экономически и социально отрицательных влияний лишь трансформациями в новые

формы существования, а лишь уничтожением его, т. е. уничтожением овеществленных отношений, обуславливающих разделение труда и в свою очередь обуславливаемых им. Тут мы имеем в виду в частности отношения, вытекающие из статической профессиональной структуры, занятий, специализации и т. д., что зависит от данного уровня технического способа производства и труда, который создает специфическую форму общественного богатства. Разумеется, что речь идет о труде в экономическом смысле, так как только он может разделяться и до сих пор действует как „регулятор и активная структура общественных отношений в производстве.“³⁶ Именно труд создавал и до сих пор создает богатство общества, не труд вообще, а абстрактно-конкретный труд, труд двойственного характера. Только в этом виде он относится к экономии и только в этом виде может разделяться. „Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить.“³⁷

Таким образом превращение труда человека (в экономическом смысле) в активную самостоятельность является основным вопросом общественного развития. Социализм освободил труд от эксплуатации, устранил возможность использования труда и рабочей силы для производства прибавочной стоимости, однако в отношении „материальных форм“ труд до сих пор находится на почве, унаследованной от капитализма. Поэтому и в настоящее время довольно хорошо видно противоречие между нынешними пределами самостоятельности человека в материальном производстве и между потенциальными возможностями, связанными с творческим трудом. Тем не менее разделение труда людям объективно навязывает функцию обслуживания машин и механических производительных сил. Лишь автоматизированное производство позволит производителям выйти из области материального производства, человек перестанет быть непосредственной частью производительных сил, объект превратится в субъект развития производительных сил.

Перевел М. Ваза

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Слова *большинство авторов* мы здесь понимаем в смысле сходства их взглядов на историческую функцию категории общественного разделения труда. Мы сознательно к этой группе относим и тех авторов, которые иначе друг от друга резко отличаются, причем и в мнениях по ряду частичных вопросов, связанных с разделением труда. Из наших авторов назовем напр. Оту Шика, а с другой стороны — отличающегося от него способом мышления Иозефа Райзера, из советских авторов соответственно С. Г. Струмлини и Я. А. Крондора. Взгляды на вечное существование общественного разделения труда однозначно сформулировали в частности советские авторы Маневич (Вопросы философии № 6, 1961) и Новоселов (Вопросы философии, № 3, 1963) в известной советской дискуссии о будущем разделения труда. Дискуссия протекала в журнале Вопросы философии в 1961—1963 гг.
- ² Ср. К. Маркс, Ницета философии, 1950, стр. 43 чешского издания.
- ³ Коммунистическому разделению труда уделяет внимание особенно И. С. Судеревский в работе Проблемы разделения труда, Соцэкгиз, Москва 1963.
- ⁴ К. Маркс Капитал, том I, 1950, стр. 493.
- ⁵ На упомянутой концепции основывает напр. Драгослав Слейшка свой доклад на конференции о научно-технической революции в г. Вельке Карловице в марте 1966 г.
- ⁶ Ota Šik, Ekonomika, zájmu, politika, NPL, Praha 1962.

- ⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Немецкая идеология, Государственное изд-во политической литературы, Москва 1956, стр. 68.
- ⁸ Ср. предисловие Кронрода к русскому изданию книги *Оты Шика* Экономика, интересы, политика. Предисловие было в сокращенном виде опубликовано в журнале *Hospodářské informace ze zahraničí*, № 5, 1965, стр. S—12.
- ⁹ См. там же, стр. S—12.
- ¹⁰ *Karel Kosík*, Dialektika konkrétního (studie o problematice člověka a světa), NČAV, второе пересмотренное издание, 1965, стр. 37.
- ¹¹ *Radovan Richta*, Úvahy o budoucnosti dělny práce, Sociologický časopis, № 2, 1965, стр. 90.
- ¹² Там же, стр. 93.
- ¹³ „Statt einer Teilung der Arbeit, die in dem Austausch von Tauschwerten sich notwendig erzeugt, fände eine Organisation der Arbeit statt, die den Anteil des Einzelnen an der gemeinschaftlichen Konsumtion zur Folge hat. In dem ersten Fall wird der gesellschaftliche Charakter der Produktion erst durch die Erhebung der Produkte zu Tauschwerten und den Tausch dieser Tauschwerte post festum gesetzt. Im zweiten Fall ist der *gesellschaftliche Charakter der Produktion* vorausgesetzt und die Teilnahme an der Produktivwelt, an der Konsumtion, ist nicht durch den Austausch voneinander unabhängiger Arbeiten oder Arbeitsprodukte vermittelt. Er ist vermittelt durch die gesellschaftlichen Produktionsbedingungen, innerhalb deren das Individuum tätig ist.“ *Karl Marx*, Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie, Berlin 1953, стр. 89.
- ¹⁴ *Karel Kosík*, Dialektika konkrétního (studie o problematice člověka a světa), NČAV, Praha 1965, стр. 111.
- ¹⁵ Ср. напр. работу *Jindřich Zelený*, O logické struktuře Marxova Kapitálu, NČAV, Praha 1962; а также *Josef Cibulka*, Přínos Marxova Kapitálu k poznání společenských zákonů, NČAV, Praha 1962.
- ¹⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Немецкая идеология, Государственное изд-во политической литературы, Москва 1956, стр. 68.
- ¹⁷ См. там же, стр. 75.
- ¹⁸ „Но если перемена труда теперь пролагает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения.“ *К. Маркс*, Капитал, том I, 1950, стр. 492—493.
- ¹⁹ *Josef Reizer*, Místo a úloha dělny práce ve společenské výrobě. Напечатано в журнале *Přehled*, — vědecké а pedagogické práce kateder marxismu-leninismu, № 1, 1964, стр. 11.
- ²⁰ *Ota Šik*, Ekonomika, zájmy, politika, NPL, Praha 1962, стр. 77.
- ²¹ См. там же, стр. 81.
- ²² Ср. напр. дискуссию, протекавшую в журнале *Politická ekonomie*, 1962 г., по вопросам отношений собственности и экономических отношений. Поводом для этой дискуссии явилась статья *Честмира Кожичника* *Vlastnictví а ekonomické vztahy*, напечатанная в журнале *Nová mysl*, № 7, 1957, к которой потом тематически примыкала статья *Мирослава Крижижжа* *O vlastnictví а ekonomických vztazích*, опубликованная в журнале *Politická ekonomie*, № 6, 1961.
- ²³ „V ekonomických kategoriích а v jejich dialektickém členění není společenské bytí ‚obsaženo‘, ale daleko spíše fixováno. Teoretická analýza odhalí proto v systému ekonomických kategorií společenské bytí pouze předmětné činnosti lidí а souvislosti jejich společenských vztahů na určité historické etapě vývoje.“ *Karel Kosík*, Dialektika konkrétního (studie o problematice člověka а světa), NČAV, Praha 1965, стр. 135.
- ²⁴ *Ota Šik*, Ekonomika, zájmy, politika, NPL, Praha 1962, стр. 82.
- ²⁵ *К. Маркс*, Капитал, том I, 1950, стр. 124.
- ²⁶ См. там же, стр. 373.
- ²⁷ *Karl Marx*, Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie, Berlin 1953, стр. 592—593.
- ²⁸ Речь идет в частности о работах Струмилина и Семенова, опубликованных в журнале *Вопросы философии*, № 10, 1961; № 10, 1962; № 3, 1963; № 9, 1963. Из наших авторов здесь следует назвать особенно Радована Рихту и в известном смысле Яна Ауэргана.
- ²⁹ *Ota Šik*, Ekonomika, zájmy, politika, NPL, Praha 1962, стр. 79.

³⁰ „... один вывод и именно, что три указанных момента — производительная сила, общественное состояние и сознание — могут и должны вступить в противоречие друг с другом, ибо разделение труда делает возможным — более того: действительным, — что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов; добиться того, чтобы они не вступали друг с другом в противоречие, возможно только путем устранения разделения труда.“

К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Государственное изд-во политической литературы, Москва 1956, стр. 34.

³¹ *Karel Kosík*, *Dialektika konkrétního* (studie o problematice člověka a světa), NČAV, Praha 1965, стр. 143—144.

³² См. там же, стр. 144.

³³ *К. Маркс*, Капитал, том III, часть 2, 1950, стр.

³⁴ *И. С. Судеревский*, Проблемы разделения труда, Соцекгиз, 1963, стр. 55—57.

³⁵ Большая советская энциклопедия, том 35, стр. 611—613.

³⁶ *Karel Kosík*, *Dialektika konkrétního* (studie o problematice člověka a světa), NČAV, Praha 1965, стр. 146.

³⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Немецкая идеология, Государственное изд-во политической литературы, Москва 1956, стр. 185.

SPOLEČENSKÁ DĚLBA PRÁCE A JEJÍ VÝVOJOVÉ TENDENCE

Názory na specificky ekonomický obsah kategorie společenské dělby práce se v soudobé literatuře rozestupují v podstatě na dvě velké skupiny. Liší se v zásadě tím, jak chápou historickou funkci dělby práce. Většina autorů spatřuje již v pouhé definici kategorie jakýsi univerzální klíč dějinného vývoje, jenž otvírá cestu k pochopení kterékoli historické fáze ekonomického postavení pracovních sil. Podle této koncepce je dělba práce trvalý a nekonečný proces; kdysi začala, nikdy však neskončí, bude trvat i za komunismu. Mění se pouze formy existence dělby práce.

Menší skupina autorů akceptuje v podstatě pojetí Marxovo a snaží se ve změnách profesijní, kvalifikační a funkční struktury pracovních sil vysledovat tendence, jež vedou k překonání dělby práce nebo přímo s Marxem řečeno, k jejím zrušení. Podle této koncepce je nutno klást základní otázku takto: kdo a co se ve společenské výrobě dělí, přičemž klíčový význam zde mají změny v charakteru práce a změny v postavení výrobců ve společenské výrobě. Měřítkem celkových historických změn je práce, která může být mezi lidmi dělena, anebo ji lidé, vyřazení z bezprostředního výrobního procesu sami mezi sebou vědomě dělí a organizují.

Obě koncepce sice z Marxových rozborů vycházejí, výklad této teoretické předlohy je nicméně silně dobově poznamenán. Obě alternativy navazují na známou Marxovu tézi o tom, že člověk jakožto výrobce materiálních užitečných hodnot nemá být perspektivně omezován a podřizován determinující síle společenské dělby práce. Představy o tom, jak tento proces má perspektivně probíhat, se však značně liší.

Také obraz současné dělby práce, jak se tvoří ve vědeckých představách, není integrován a tříští se o překážky dílčích vědních specializací. Podle našeho soudu je však otázka perspektivního „tvaru“ dělby práce u Marxe metodicky i věcně jednoznačně motivována; spočívá v osvojení společenských výrobních sil a v plném rozvinutí činného sebeuplatnění lidí, v maximální mnohostrannosti tvůrčích schopností výrobců, což vyústuje ve známý Marxův všeobecný zákon společenské výroby. Představuje-li ekonomie „sféru nutnosti“ čili předmětného pracovního konání, v níž se postupně tvoří historické předpoklady lidské svobody, je možno také dělbu práce v životě společnosti pokládat za nutnou historickou éru, jež vrcholí jejím provedením. Dělbou práce nelze zbavit ekonomicky a sociálně negativních vlivů jen transformacemi do nových existenčních forem, nýbrž jen zrušením jejich zvěcnělých vztahů. Dělba práce dosud vnucuje lidem funkci obsluhy strojů mechanických výrobních sil. Teprve automatizovaná výroba dovolí lidem „vystoupit“ z oblasti materiální výroby, člověk přestane být přímou součástí výrobních sil, převrátí se poměr objektu v subjekt rozvoje výrobních sil. Tím bude i dělba práce překonána.